"Жил-был Оника-воин..."

Жил-был Оника-воин,
Жил-был не долго, —
Жил триста тридцать единое лето.
И сколько он землей проеждял,
И много он землей разорял,
Божьи домы на дым спущал,
Божество-иконы на ладан.
И говорит он Господу Богу,
И говорит он рець похвальню,
Похвальню рець, Господу противну:
«Кабы дал да мни-ка, Господи,
С небеси во столби колецюшко булатно.
Повернул бы я всю землю на синё небо,
А синё небо на сыру землю, —
На миру бы смерти не было,
И народ бы был весь жив».
Да не полюбились эти реци Господу Богу,
Послал он дви сумоцьки переметны:
Одну сумоцьку он клал против неба,
А другу сумоцьку клал против земли.
И посылал он своих скорыих апостолов,
И куды идти Оники, ехати.

И вот поехал Оника-воин,
Поехал цистым полем
Да широкиим раздольем.
И на той пути да на дроженьке
Лежат-то дви сумоцьки переметныи,
И стоят тут люди добрыи.
«Оберите-тко вы, люди добрыи,
Оберите-тко свои сумоцьки переметныи, —
Если я задену ножкой левою,
То негди сумоцек будет искати;
И если я задену ножкой правою,
То негди будет сумоцек искати», —

«Ах ты, Оника пустохвастишко,
Ах ты, Оника пустохвалишко!
Ты ездишь, Оника, похваляешься,
А тебя с дело не выхватыват».
Рассердился Оника-воин,
Задел он за сумоцьку ножкой левою —
И не мог он сумоцьки повыздынуть;
Задел Оника ноженькой правою —
И не мог он сумоцьки повыздынуть.
Соскоцил Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую, —
И по колен ушел во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
Рассердился Оника по-сердиному,
И разозлился Оника по-звериному,
И принимался всею силой богатырскою, —
И по пояс ушел во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку, —
И по грудей ушел он во матушку во сыру землю,
И не мог он сумоцек повыздынуть.
И надорвал он свое ретивое сердецюшко,
И со стыдом садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.
И поехал Оника-воин цистым полем,
Широкиим раздольем.
А на той пути на дороженьки
Лежит тут цюдо цюдноё,
Лежит тут диво дивноё:
Руки, ноги лошадиныи,
А голова лежит звериная,
И туша целовецеска.
«Что же ты лежишь, цюдо цюдное?
Али ты цюдилиця есть прецюдная,
Али ты поляк есть, поленской сын,
Али ты полениця удалая?» —
«А не цюдо есть я цюдное,
Не цюдилиця есть прецюдная,
Не поляк, не поленской сын,

Не полениця я есть удалая,
Оника-воин, я есть Смерть скорая,
Скорая есть Смерть, скоропостижная». —
«Ай же ты, душегубка!
У меня есть сабля вострая,
Отмахну же буйну голову!» —
«А не хвастай Оника-воин,
У меня есте шилья вострыя,
И подпилю я у тя жилоцьки».
Замахнулся Оника вострой саблею, —
Во плеци́ рука застоялася,
Никуды рука не сгибалася,
Востра сабля с руки выпала
И цють добра коня не изрезала.
«Ай же ты, Смертка скорая!
Дай мни строку хоть на три годы
Свой живот по церквам рознесть
И золоту казну по нищей братии,
Мне своя душенька наб покаяти». —
«Не дам я теби строку и на три часы,
Твой живот есть неправедной,
Золота казна не заработана,
И твоей души не будет помощи». —
«И дай ты строку хоть на три часы,
Мни-ка свой живот по церквам разнесть,
Золота казна по нищей братии,
И свою душу, наб покаяти». —
«Не дам я ти строку на три минуты,
Твой живот есть неправедной,
Золота казна не заработана,
И твоей души не будет помоци».
Зашатался Оника-воин на добри кони,
И упал он на сыру землю, —
И быдто век души не было.

(Записано в Вытегорском уезде Олонецкой губ.)

Песни, собранные Г1. П. Рыбниковым. Т. 1-2. М., 1909-1910.